

За клочком пожелтевшей бумажки - безжалостно растоптанная, изломанная жизнь целой семьи... бесчеловечное преследование верующих, жестокие гонения на Церковь, убийства ни в чем неповинных людей... И любовь, и верность - вопреки всему. В радости и печали...

Обвинение священнику Евгению Исповедь дочери священника

Пыльная тетрадь в красной обложке, найденная на чердаке ветхого дома под снос, - исписана была корявым неразборчивым почерком; хранила стойкий запах плесени, мышиного помёта, дыма лампадки и прикосновения старческих рук; хранила главное, - сокровенные мысли женщины родившейся в 1898 году при царствовании последнего русского царя Николая II. Мысли о счастье тех молодых лет и о том, что пережила после 1917 года.

Должно быть некому уже было поведать о прожитых годах, отпущенных Богом; не с кем было плакать и не с кем вспоминать, как только доверить свою исповедь тетрадным листам. По-видимому, она надеялась оставить хоть какую-то память о любимом человеке, о себе, о жестоком времени становления советской власти, отпущенном и им судьбой. Одинокая полуслепая старость пролистала страницы жизни и запечатлела их дрожащей старческой рукой.

К её исповеди присовокуплены были старинные фотографии и пожелтевшие от времени документы - письма, справки, акты и протоколы более поздних лет - документально дополнившие историю жизни дочери рязанского священника Иоанна Солидова и любви её к молодому рязанскому священником Евгению Ивановичу Пищулину, оборванной пулей органов НКВД в сентябре 1937 года.

1. Невеста из Морозовых Борков

Я, Клавдия Ивановна Солидова-Пищулина, родилась 8 декабря 1898 в селе Морозовы Борки, что издавна устроено на берегу реки Пара, в 17 верстах от уездного городка Сапожок и в сотне верст от губернского города Рязани. Моя мама умерла, когда я была ещё девочкой, в 1912 году. Отец Иван Андреевич Солидов, сколько его помню, был всеми уважаемый священник местной Покровской церкви.

Окружённая родительской заботой, я окончила сельскую начальную школу в Морозовых Борках, затем весной 1917 года женскую гимназию в городе Сапожок, с правом преподавания домашней учительницы. В гимназии, кроме прочего, хорошо освоила немецкий и французский языки, научилась музицировать на пианино. Папе очень хотелось, чтобы я получила и высшее образование в Москве или Петербурге.

Сам он, как человек образованный и душой болевший за судьбы местных прихожан, много способствовал открытию школ в окрестных сёлах, деревнях и посильной им помощи. Был законоучителем в местных церковно-приходской и земской школах Морозовых Борков, избран во многие советы, комитеты, попечительства и, даже, гласным выборщиком от сословного духовенства в городскую думу г.Рязани.

У папы была большая библиотека, которую он постоянно пополнял периодическими столичными изданиями. Наш просторный деревянный дом возле церкви, построенный моим отцом, всегда был открыт для многочисленных папиных друзей и знакомых, уделявших и мне внимание. В такой добропорядочной семье я росла и воспитывалась при царской власти до 1917 года.

В связи с начавшейся в июле 1914 года русско-германской войной, в жизни жителей Морозовых Борков и деревень поблизости мало что изменилось. Лишь, после марта 1917 года, когда пришло в село известие об отречении Государя Николая II начались заметные перемены: безнаказанные погромы окрестных помещиков, грабежи их имущества и прочие беззакония.

В июне 1917 года молодые мужики, возглавляемые местным большевиком-партийцем и пьяницей Кудряшовым, разгромили и разграбили Зелёный хутор графа Шувалова, усадебный дом его был сожжён. Такая же участь вскоре постигла дома и имения наших соседей помещиков: Мартынова, Лобанова, Гобято, Шульгина, Баканова, Горбачёва, князя Щетинина и князя Голицына. Как-то ночью подожгли и наш дом, его удалось отстоять, но во время пожара набравшими расхищены были мебель, много вещей, книги папиной библиотеки.

Погромщики думали завладеть помещичьей землёю в добавок к своим имевшимся наделам, но новые власти им объявили, что вся пахотная земля и лес и луга - теперь собственность государства, а у крестьян остаётся только земля огородная, и по-прежнему разные налоги.

О высшем образовании в последующие тревожные годы пришлось забыть. В начале 1918 года, все накопления папы "на старость" в Сапожковском уездном банке попали под "Декрет о национализации банков", изданный новым правительством России Лениным и были аннулированы. В селе открыли "Ликбез", стала я заниматься с неграмотными и преподавать в местной мужской школе. В такой обстановке пришёл 1922 год, когда мне сравнялось 24 года.

Жена моего старшего брата, из простых крестьян, наблюдая мои независимые отношения с мужчинами, заметила мне: "Ты очень горда и никогда не выйдешь замуж. Некоторые ребята хотели с тобой познакомиться, а ты не умеешь себя держать с мужчинами, чтобы им понравиться". Меня это задело втайне души, хотелось бы приискать себе ровню, но я ответила ей уклончиво: "Счастье придёт и на печке найдёт!". Будто и не думаю об этом.

У меня в городе Касимове был кузен Серёжа Денисов, сын папиной сестры. Мы с ним дружили. Я написала письмо Серёже, а в нём описала теперешнюю свою жизнь. Через некоторое время приходит мой брат с почты и подаёт мне письмо от Сергея. Он пишет сочувственное пожелание, сообщает, что у него есть товарищ, ещё по семинарии, Евгений из города Касимова. Человек образованный, учился в Киевской академии, человек трезвый, - вот тебе будет лучший муж и хозяин.

Жена моего брата на это заявила: "Такому жениху нужна богатая невеста с хорошим приданым. Он может найти себе невесту и в своём городе Касимове". Я же ответила кузену так просто, из любопытства - пусть приедет к нам, я сама посмотрю его и оценю.

Прошло немного времени. Я в своей комнате шила платье; вдруг входит незнакомая миловидная женщина. Спрашивает, здесь ли живут отец

Иоанн? "Я Пищулина Анна Михайловна, я приехала с сыном из города Касимова, он стоит с лошадей около дома". Я пригласила их войти в дом, лошадь ввести во двор. Он вошёл, отрекомендовался: "Пищулин Евгений Иванович". Придя в зал, сел на диван. Анна Михайловна, уставшая от неблизкого пути, попросила отдохнуть, зашла в мою комнату и прилегла на кровать.

Папа и Евгений Иванович стали вести свой разговор. Я посмотрела на них. Евгений Иванович разумно отвечал на все вопросы заданные ему. Я пошла в кухню приготовить обед и чай гостям. Во время обеда подала графинчик водочки. Евгений отказался: "Я не пью водку и не курю, Клавдия Ивановна". Анна Михайловна взяла и выпила одну рюмочку водки. Затем подали чай, я стала наливать.

Вечером ходили в школу смотреть спектакль, исполненный детьми. Одна из учительниц позвала нас в свою комнату и стала разговаривать с Евгением Ивановичем. Он ей очень понравился. Вечером, придя на кухню Евгений Иванович говорил, что в хозяйстве нашем дел много накопилось. Двор, баню надо поправить, ригу переделать. Я ему ответила, что замуж не спешу, а человек, который помог бы мне устроить моё хозяйство - нужен.

Воспитанник Рязанской Духовной Семинарии Евгений Пищулин (справа, дедушка Жени Каширина) с братом Михаилом и отцом священником Иоанном Пищулиным (прадед Е.К.). 1900-годы.

В марте месяце приехали Евгений Иванович с моей тётёй, матерью кузена Сергея из Касимова на своей лошади. Евгению Ивановичу пришлось дорогою в полторы сотни вёрст много идти пешком, весенняя дорога стала портиться и лошади тяжело было везти двоих. Он снял свою верхнюю одежду и задремал. Я подумала, что он выпил водки, но тётя Катя передала, что, что они никуда не заезжали, что Евгений Иванович просто сильно утомился от дальней дороги. Побыли они у нас два дня, уговорились о дне свадьбы и уехали.

Тут вышло распоряжение о сокращении штатов в школах и меня, как дочь священника, в первую очередь сократили. Папа был уже больной. Я занялась портняжеством, шила платье учителям, штаны, стегала узорчатые одеяла.

Священник Иоанн Солидов с дочерью гимназисткой-Клавдией (прадед и бабушка Жени Каширина) и кузеном её Сергеем Асписовым. 1910-е годы.

Власть в селе занялась разгромом кулачества. В кулаки попали рабочие люди, крестьяне у которых были маслобойки, шерстобитки. На них работали сами хозяева без наёмного труда. Отобрали у них дома, а самих с семьями выслали из села в Архангельскую губернию. Вечером на лошадях под конвоем их повезли на ближайшую железнодорожную станцию Ухолово.

Населению объявили записываться в колхоз. У записавшихся отбирали лошадь с

упряжью и ригу с кормом. Кто не записывался - накладывали "твёрдое задание". Наш работник Иван Евдокимович только-что купил себе лошадь, ушёл от нас стал жить самостоятельно; ему предложили записаться в колхоз. Он отказался. Ему дали "твёрдое задание": вывезти из своего хозяйства 60 пудов ржи, овса, мяса. Откуда было взять? Пришлось записаться в колхоз, и лошадь увели и ригу сломали.

У зажиточного крестьянина Баранова взяли дом под школу, его самого сослали; брату его пришлось перейти на жительство в свою баню. Здание бывшего Волостного правления, где располагался Сельсовет, разобрали и перевезли в уездный город Сапожок. Сельсовет поместился теперь в доме Андрея Янкина, его самого тоже сослали. У нашего соседа Сергея Фёдоровича, он недавно построил себе дом, сломали этот дом и сделали из него Правление колхоза на бывшей усадьбе помещика Гобято.

Из ликвидированного новыми властями Нижне-Бовыкинского монастыря к нам приехала давняя знакомая монашка Маргарита Константиновна. Мы занимались с ней уборкой дома. После уборки сели на диван, она и говорит лукаво: "Всё убрали, хоть жених приходи!". Вдруг, отворяется дверь, входит мой дядя Миша и сообщает: "Клавдия, твой Евгений Иванович приехал!". Маргарита Константиновна собралась уходить. Я её удержала, говорю ей: "Сама напророчила, так оставайся смотреть моего жениха".

Клава Солидова (бабушка Жени Каширина) «на выданье». 1922 г.

Пошла, в сенях сидит сиротливо Евгений Иванович с сумочкой. Я позвала его в дом. Они стали с Маргаритой Константиновной беседовать, а я пошла на кухню готовить чай и обед. Пришёл папа из церкви. Маргарита Константиновна уезжала в город Зарайск, к своей приёмной дочке и я пошла её проводить. Дорогой она сказала, что ей очень понравился Евгений Иванович, а человек она была с высшим образованием и хорошо понимала личности людей.

Проводив её, я возвращалась домой. Вдоль улицы идёт мой Евгений Иванович, на руке у него висит моё летнее пальто. Подошёл ко мне и заботливо одел меня. Возвратившись домой, пошли в наш сад. Он стал извиняться, сказал что дошли слухи, будто я раздумала за него выходить замуж. Если это так, то на завтрашний день он уйдёт в село Шилово, где у него тогда были дела. Мне стало жаль его. Я ответила, что все условия остаются как были; по его посветлевшему лицу мне видно было, как он обрадовался и успокоился.

Пришёл к нам бывший работник Иван, говорит мне: "Завтра все идут в лес работать, рубить хворост для топки. Пошли человека за себя". Евгений Иванович отвечает: "Я сам пойду в лес работать". В 6 часов утра, взяв топорик, ушёл со всеми в лес. Прожил у нас с неделю, нарубив нужное количество дров, и ушёл в своё село Перьев, близ города Касимова, где жил у своей тёти Клавдии Михайловны.

А 25 августа 1922 года Евгений Иванович со своей матерью приехал к нам, привёз своё имущество: 2 корзины, сундучок и мешок с запором; икону, фотографии, документы о своём образовании в Рязанской семинарии и Киевской военной школе, где был произведён в чин офицера прапорщика.

В нашей Покровской церкви папа нас и обвенчал. А роспись была ранее в Сельсовете. Свадьба была очень скромная. В это время нигде ничего не продавали. В нашей кооперации ни вина, ни консервов, только чёрный хлеб. Моя знакомая принесла мне четверть водки своего изготовления, а другая дала мне четвертинку хорошего вина. Пришлось самой изготовить сладкого вина пол-литра для себя и для женщин.

Мать мужа, Анна Михайловна у нашего дома встретила нас хлебом-солью; мой папа в доме сказал хорошую речь и благословил нас большим нагрудным крестом. Переодевшись, сели за стол, и все поздравили нас. Закусочку кое-что собрали. После завели граммофон и под звуки вальса покружились. И всё веселье наше кончилось.

Я подарила своей свекрови шерстяное платье тёмно-зелёного цвета. Она обещала мне подарить льняной холст своего рукоделия. На третий день она ушла на станцию Шилово, чтобы вернуться в город Касимов. Она жила у младшего сына Михаила в селе Рубецком, Касимовского уезда.

2. Слушали: Дело № 14309. Постановили: Расстрелять...

В сентябре 1923 года муж мой Евгений Иванович рукоположен был епископом Рязанским преосвященным Мелентием в сан диакона нашей Покровской церкви в Морозовых Борках. Стал помогать моему папе по церковным делам.

С самого детства жизнь Евгения Ивановича связана была с желанием служить церкви. Рождён он был 23 января 1893 года и крещён в Богородицкой церкви села Перьев, Касимовского уезда, Рязанской губернии. В 1906 году лишился отца. В 1908 году окончил 4-х классное Касимовское Духовное училище. В 1914 году с отличием закончил 6-летнюю Рязанскую Духовную семинарию и, как особо одарённый, направлен был Рязанской епархией для продолжения учёбы в Киевскую Духовную академию.

Будучи слушателем 3-го курса Духовной академии, в связи с идущей русско-германской войной, обучался ещё в 5-й Киевской школе прапорщиков в III-взводе 2-ой роты, окончил её в августе 1916 года. С августа 1916 года по март 1918 года служил в царской, затем временного правительства армиях: в 61-м Запасном полку г. Тамбова, затем в 18-м запасном полку г. Гоисен, Подольской губернии и в Туркестанском полку на Юго-Западном фронте, получил чин подпоручика. В боях был ранен и контужен.

В 1920 году находился на обследовании и излечении в 46-м Сводном Эвакуационном госпитале в городе Рязани. Как грамотный русский офицер, в 1918-1923 годах Евгений Иванович привлечён был большевистскими властями РККА в качестве преподавателя во "Всеобуче" младшего командного состава Красной армии.

Наш маленький сын Серёжа, рождённый в 1923 году умер от менингита. В 1926 году у меня родилась дочка Нина. Папе и Евгению Ивановичу всё труднее было заниматься церковными делами из-за враждебного отношения и придировок к ним местных властей.

Как-то пришли к нам в дом из Сельсовета, стали всё осматривать. Пришёл Иван Столяров, он был председателем Сельсовета, увидел на лежанке печи новые Евгения Ивановича валенки - взял и надел их себе на ноги. Единственную зимнюю одежду папы тоже взял. Председатель комитета бедноты Шабур взял в чулане корзину с вещами Евгения и даже его бритву, всё отвезли в Сельсовет. Приехал секретарь Сельсовета, сломал нашу баню в саду и тоже увёз.

Часто приезжали к нам всякие "уполномоченные" в помощь Сельсовету. Не считаясь с законами творили всё, что им вздумается. Пришли председатель Хорьков, милиционер Тырин и возчик Проказников, стали брать оставшиеся вещи в доме: шкаф для посуды, стулья. Я соединила две кровати в одну и с дочкой Ниной мы сели на неё. Милиционер Тырин подошёл ко мне, говорит: "Уйди, я возьму перину, подушки и кровать". Я не сошла с кровати, он хотел меня сбросить. Я ухватила его за шиворот и вытолкнула из комнаты. А шкаф, стулья и кресла они взяли из дома. Дом стал совсем пустой.

Милиционер Тырин составил акт на меня "за сопротивление властям поповской дочери и жены попа при изъятии вещей". Подал на суд. Суд присудил мне 6-месяцев принудительных работ. Евгений достал себе Уголовный и Процессуальный кодексы, но местная власть не считала нужным подчиняться им. Евгений подал заявление в губернский город Рязань на пересмотр моего дела, но безрезультатно.

Евгению Ивановичу было предложено высказать на собрании в деревенском клубе, что напрасно веруют в Бога, это обман религии. Никакого Бога нет. Он отказался, и говорит им: "Мне образование дала духовная школа; учила бесплатно, обувала, одевала и кормила меня. Я сам человек верующий".

Его арестовали работники ОГПУ. Он просил открытого суда. В этом ему отказали. Отправили с конвоем в Рязань. Потом тройкой судили его там в чём им вздумалось. Приписали статью 58. Просил назначить исправительные работы поблизости, не дали. Отправили отбывать наказание на лесоповал в город Пинегу, Архангельской губернии на долгие 3 года. Было это в 1930 году.

В 1931 году к нам с папой явился председатель Столяров и уполномоченный сельский исполнитель Бобошкин. Сказали освободить дом "за невыполнение твёрдого задания". Он им нужен под библиотеку. Я была по этому делу в городе Сапожке у прокурора. Он взял постановление суда и обещал его рассмотреть. Видел беззаконие, но хода делу не дал. Открыто законно поступить было не время, самому можно пострадать. Я написала письмо Евгению в город Пинегу обо всём. Он ответил из мест заключения, не горюй мол, будем живы всё снова наживём. Но плохо вам будет, если дом отберут. Ну куда вы перейдёте из дома?

Пришли к нам по этому поводу из нашего церковного совета председатель Фёдор Тимаков и Староста Максим Прошин. Посоветовали нам перейти в церковную сторожку. Тимаков говорит: "Дам лошадь и перевезу вас пока, а там видно будет". Папа снял со стены икону Спасителя и Покрова Богородицы. Пришёл Аким Одинокоев, подали лошадь и мы стали перебираться из нашего родного дома в сторожку. Сельсовет отдал наш дом и всю усадьбу с надворными постройками красному активисту Сергею Кузнецову.

Я с маленькой дочерью Ниной поместилась в чулане сторожки. Папе у печки поставили кровать и протянули занавес от печки до передней входной стены. Фрося, прислуга наша, на своём сундуке и двух табуретках постелила постель. В стене церковной сторожки было окно, и в чулане по окну: с видом на кладбищенские кресты и другое на пустынную площадь перед церковью.

Сторож стал караулить только по ночам. Днём обязанности сторожа выполняли мы с Фросей. Уборку церкви, помощь крестьянам, свадьбам всё делали мы. В своём сумрачном чулане я шила людям вещи. Фрося залезала на колокольню и благовестила в большой колокол. Топили сторожку своими дровами.

Вернулся Евгений из ссылки в 1933 году, заметно постаревшим. Поехал, не откладывая, в город Москву хлопотать о возвращении нам нашего дома. Предъявил там разные документы, и что все налоги уплачены, ему дали на руки приказ вернуть дом. Сельсовет дом не отдал. Велели жившему в доме Кузнецову дом разобрать и перевезти на другое место. Дом был сломан. Сад весь вырубил и землю распахали. Местные власти на нас катали в Москву и Рязань всякую глупость. Представили нас вредными обществу людьми.

Директор местной школы Иван Стельмах пригласил меня преподавать немецкий язык. Я сначала отказалась. Евгений тоже был против. Но мне хотелось работать. Я любила школу, и я заняла эту должность, но ненадолго. В 1936 году меня вновь сократили под предлогом, что я плохо знаю немецкий язык не найдя другой причины, хотя успеваемость у меня в классах была 96%. Какая несправедливость!

Мне посоветовали уйти на квартиру из церковной сторожки и сделать официальный развод со священником мужем, во избежание дальнейших неприятностей. Я сказала Евгению, он и слушать не хотел об этом. Ведь жили мы в церковной сторожке по необходимости. Дом не отдали. Директор школы меня жалел и мне говорит: "Поезжайте в Москву к Крупской, расскажите ей всю правду!". Дал мне хорошую характеристику, но председатель Сельсовета Марфа Сычёва приложить печать к моей справке отказалась.

Приехала я в Москву во второй раз в жизни, первый раз была в 1912 году, на операции глаза. Пришла в комиссариат. Меня встретила инспектор Крупской, посмотрела мои документы, доложила Крупской. Она меня не приняла. Инспектор сказала, что приёма мне не будет. Пришлось ни с чем вернуться на станцию Шилово, потом автобусом до города Сапожка, оттуда добралась до своих Морозовых Борков.

Через несколько дней окончательно слёг мой папа. У него было больное сердце. Ноги опухли. Он не мог ходить, лежал на постели в церковной сторожке. Нужно было поправить его постель. Мы с Фросей тихонько подняли его, посадили на стул. Он склонился ко мне и ... перестал дышать. Посмотрела, пульса нет, он помер.

Пришёл Евгений, призвали церковного сторожа Ивана Родикова и стали его убирать. Через 3 дня пришли соседние священники, диакон, пригласили хор. Обнесли гроб вокруг церковного храма до могилы. Рядом с мамой похоронили. Потом был погребальный обед, народу собралось очень много. Папа 50 лет прослужил в Покровской церкви.

В следующем 1937 году к нам домой явились милиционеры Авдонин и Баранов, прибыли с машиной. У нас от папиной библиотеки оставались книги: "Вера и разум", "Вера и церковь" и другие; журналы: "Природа и люди", "Паломник". Катехизис для старообрядцев. Папа мой был миссионером. Старообрядцы приходили к нему, просили объяснить некоторые вопросы их веры. Явившиеся милиционеры взяли все книги, увезли в село Можары, свалили в конюшню. И все ценные книги были потоптаны лошадьми.

Наш сельский большевик-партиец и пьяница Кудряшов в очередной раз напился водки, взял топор пришёл в нашу церковь и изрубил ярусный иконостас и все иконы. Всё отправил на завод Тырина. Иконостас тот был построен художником села Ижевского Иваном Люхиным с мастерами. Фон иконостаса был покрыт серебряной краской; каждая икона была по сторонам окружена колонками резной работы, покрытыми листовым золотом. Иконы были расположены по рядам. Над первым ярусом, как кайма были иконы всех святых праздников. Они вынимались во время службы праздникам.

По стенам церкви были изображены святые в рост: Василий Рязанский, Иван Богослов и другие. Пол был бетонный, как паркет, печи кафельные. Топили всю зиму. Народ большого села Морозовы Борки и всей округи был недоволен разгромом и закрытием церкви, построенной ещё графом Дмитрием Zubовым и дворянином Павлом Строговым. Стали собирать подписи, чтобы открыть церковь заново. Послали в Москву прошение заведующему по Церковным делам. Но никто ничего не дал ответа.

Несколько дней спустя, по своим делам Евгений Иванович ушёл в деревню Глиняные Ямы. Ночью к нам явились два агента НКВД из села Можары: Баннов и Авдонин. И начали делать обыск без всякого предупреждения.

Забрали моё наградное из гимназии Евангелие книгу, второе Евангелие с металлическими крышками, лампаду, церковное кадило, домашний стол и другие наши вещи.

Евгений возвратился и спрашивает их, в чём дело? А Баннов отвечает насмешливо: "А почему вы допустили обыск без санкции прокурора?". Я ответила, что этого я не знала. Евгения Ивановича снова арестовали. Было уже 3 часа утра. Подали машину, посадили Евгения и увезли. Прошёл день, другой в неизвестности. Я сама пошла в село Можары, в 15 верстах от нашего села. К Евгению меня не допустили, передачу: хлеб, помидоры взяли. Я обратилась к прокурору, почему взят муж? Ничего мне прокурор не сказал.

Спустя 3 дня, мы с дочерью Ниной снова пошли в село Можары. Дом Некошевых находился против милиции. Милиция помещалась в доме Гра-нитова. Мы остались ночевать в доме Некошевых. Стали ждать, что будет дальше.

На третий день подошла к милицейскому дому Гранитова грузовая машина. Смотрю, выходит из милиции Евгений со своей корзиной и вещевым мешком, конвойные сажают его в кузов машины. Мы с Ниной подбежали. Я встала на колесо, Нину подняла к нему держу. Евгений говорит ей печально: "Прощай дочка, прощай моя канареечка!". Она заплакала, поцеловала его в щёку и он едва

сдерживал слёзы. Милиционеры меня стаскивают с машины, а я им, кричу: "Что за безобразия творятся в нашем государстве, нет спокойной жизни!..". Меня оттащили от машины.

Машина с арестантом тронулась, за ней другая машина, мы к ней. Шофёр сжалился, посадил нас и мы поехали вслед. Так доехали до железнодорожной станции Вёрда. Там в уголке уже сидели человек 30 арестованных мужчин, а также заведующий общим отделом РИКа, помощник прокурора и другие начальствующие лица. Евгений их всех знал. Я дала Нине немного денег, она побежала купила ему газеты, белый хлеб, но передать не смогли.

Дали команду арестованным к посадке в поезд. Евгений успел крикнуть мне: "Я отвечал им, - не виновен! Дадут лет 10 ...", и ещё что-то, чего в общем шуме я разобрать не смогла. Меня к нему близко конвоиры не допустили. Затем я увидела, как

Евгений встал, поднял свой мешок, корзину и впереди всех пошёл к поезду. Таким он мне запомнился до конца жизни. Я не могла подумать тогда, что вижу моего Евгения последний раз.

Мы было двинулись за ними, но тут был палисадник, пока его обошли к перрону, поезд уже тронулся. Мы заплакали и пошли домой. В селе я узнала, что из Морозовых Борков взяли всех, кто имел офицерский чин царской армии - Чуркина Карпа, Голову Прохора, Котунова Василия, Одинокова Акима и других.

Я узнала потом в тюрьме города Рязани, куда ездила передать ему кое-что, - Евгений Иванович осужден по 58-статье, пункт 10 Уголовного кодекса на 10 лет заключения "без права переписки." Мою посылочку ему не взяли. Что можно было поделывать? Оставалось продолжать жить как-то, воспитывать дочь и ждать бедного моего Евгения.

В 1947 году Нина окончила Педагогический институт в городе Рязани. От Евгения за прошедшие годы весточки не было, мы с дочерью надеялись, что он вот-вот вернётся из мест заключения. Но Евгений Иванович так и не вернулся и ничего о нем нам не было известно ещё 10 лет.

Лишь 2 июня 1958 года, после настойчивых моих просьб сообщить о судьбе мужа, карательные органы изволили выдать мне "Свидетельство о смерти Е.И.Пищулина, последовавшей 5 февраля 1946 года от миокардита в местах заключения". Документ заверен был печатью Можарского районного ЗАГСа. А я не верю в это.

Коль не суждено мне свидеться с моим Евгением ещё раз на этом свете, молю Бога, чтобы соединил он нас хоть на том...

На этом, записи о судьбе священника Евгения Ивановича Пищулина в тетради обрываются.

От автора. Клавдия Ивановна оставалась верной памяти погибшего своего Евгения Ивановича до конца жизни. Замуж больше не выходила. Доживала век вдвоём с неразлучной Фросей, бывшей служанкой в ее семье, а потом верной подругой в деревне Затишье недалеко от Рязани. Скончалась в 1986 году и похоронена на местном погосте.

Сведения о смерти Е.И.Пищулина "5 февраля 1946 в местах заключения"*, сообщённые ей, оказались жестоко и бессовестно сфабрикованы карательными органами советской власти тех лет. На самом деле, священник Евгений Иванович Пищулин расстрелян, спустя всего 2 месяца после ареста в том же 1937 году. Могила его неизвестна. Несчастливая Клавдия Ивановна, в неведении этого, продолжала ждать его и надеяться ещё долгие годы. На сей счёт имеется следующий документ, полученный из архива Управления по Рязанской области Министерства Безопасности Российской Федерации за № К/75 от 11 февраля 1994 года:

"ПИЩУЛИН Евгений Иванович, 1893 года рождения, уроженец г.Касимова, Рязанской области, житель д.М.Борки Можарского района, Рязанской области, священник, был арестован органами НКВД 17 июля 1937 года по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 58, п. 10 УК РСФСР, а именно в том, что «вел среди населения активную контрреволюционную деятельность, высказывал повстанческие настроения». Постановлением тройки при УНКВД СССР по Московскому Округу от 26 сентября 1937 года, Пищулин Е.И. по ст.58, п.10 УК РСФСР приговорён к расстрелу.

Приговор приведён в исполнение 27 сентября 1937 года. Постановлением Президиума Рязанского областного суда от 9 мая 1958 года Пищулин Е.И. реабилитирован. Архивное уголовное дело на Пищулина Е.И. находится на хранении в Управлении ФСК РФ по Рязанской области".

Таковую, последнюю точку поставила судьба в памятную тетрадь дочери священника Клавдии Ивановны Солидовой-Пищулиной уже после её кончины.

Даже Господь Бог оказался бессилён защитить от красного террора тысячи таких же безвинно осуждённых священников, как рязанец Евгений Иванович Пищулин.

Господь оставлял ей надежду, чтобы узнала о гибели любимого человека она не тогда в 1937 году, а спустя многие годы. Надежда её и умерла последней.

Молитесь там на небесах за помнящих о Вас, отец Евгений и праведная Клавдия.

Цит. по : Фотолетописец Рязани Евгений Каширин
<http://www.history-ryazan.ru/node/5049>

Вот так. Жизнь целой семьи оказалась сломанной под сатанинским "Красным колесом";...

Когда я смотрел цикл фотографий Евгения Каширина, посвященных его бабушке Клавдии Ивановне и её подруге Фросе, то еще не знал, какие муки довелось перенести им когда-то... Снимки были сделаны в характерной для Каширина манере - не знаю даже, как правильно назвать с искусствоведческой точки зрения, но я бы сказал - с точки зрения доброго сердца и нежной души. Столько доброты и нежности были в этих фотографиях простых рязанских старушек, у которых была совсем непростая и тяжелая жизнь...

Что остается на земле от слов и дел наших? Только память... Грустная и светлая...

Вечная память.

Обязанский священник, подпоручик Евгений Иванович Пишулин с матерью Анной Михайловной по окончании Киевской школы прапорщиков с 1916 г. защищал Россию на Юго-Западном фронте Первой мировой войны

Священник Иоанн Солидов с дочерью гимназисткой-Клавдией (прадеди бабушка Жени Каширина) и кузеном её Сергеем Асписовым. 1910-е годы.

Воспитанник Рязанской Духовной Семинарии Евгений Пишулин (справа) с братом Михаилом и отцом священником Иоанном Пишулиным. 1900-годы.

Рязанский священник Евгений Пищулин студент II курса Киевской духовной Академии. 1915 г.

Прапорщик Евгений Пищулин (средний ряд, второй слева) среди личного состава роты, 1916 г.

Рязанские священники в ссылке в г. Пинега. Крайний слева во втором ряду стоит Е.И. Пишулин, 1932 г.

Участник Первой мировой войны подпоручик, рязанский священник Евгений Иванович Пишулин перед расстрелом. Снимок органов НКВД. 1937 г.

